

Глава 20

За книгохранилищем раскинулся Битань. Когда они остановились, то оказались у самой кромки воды.

У Чэн Яня зубы чесались от нетерпения, и он, не сдержавшись, сорвал ивовый листок, принявшись небрежно его жевать. Вид у него при этом был самый что ни на есть разболтанный.

Чу Ван, ценивший чистоту и порядок, невольно нахмурился. Было очевидно, что неряшливость сокурсника внушает ему отвращение, и он не желает оставаться рядом с ним ни секундой дольше необходимого.

— Чэн Чанцин, ты... — начал он.

— Зови меня Чэн Янь, — перебил его тот.

Среди сверстников называть друг друга по именам могли лишь близкие люди. Отношения этой парочки явно не достигли подобного уровня.

Чу Ван нахмурился, явно выказывая недовольство:

— Кто и что бы тебе ни наговорил, я...

— Я сказал: зови меня Чэн Янь.

Жевать ивовый прутик оказалось неудобно. Чэн Янь сплюнул его и присел на корточки, выскывая в траве стебелёк помягче. Задрвав голову, он в упор уставился на собеседника, упрямо повторив своё требование.

Поза его была крайне непристойной. Из-за разницы в росте Чу Ван невольно скользнул взглядом по распахнутому вороту Чэн Яня, обнажавшему крепкую грудь и...

Юноша стремительно отвернулся. Наконец, не выдержав напора, он сдался:

— Чэн Янь, что касается меня и...

Чэн Янь резко поднялся, расплывшись в широкой улыбке:

— Раз ты зовёшь меня по имени, тогда и я буду звать тебя Чу Ван!

Тот в ответ лишь яростно сверкнул глазами — казалось, он вот-вот выжжет на лбу наглеца клеймо за бескрайнюю наглость. Маленький дурачок был в бешенстве, но против подобного пройдохи у него попросту не хватало опыта.

— Как пожелаешь! — бросил он с ненавистью.

Чэн Яню не нравилось второе имя юноши. Памятуя о сюжете, где тот фигурировал как Чу Цзыгуань, он не мог отделаться от мерзкого чувства, стоило ему лишь представить, через что предстоит пройти этому человеку.

Увидев, что Чу Ван смирился, Чэн Янь перешёл к делу:

— Относительно тебя и Мэн Чэньхуэя... Ты ведь помнишь вечер четырнадцатого июня? Помнишь, что произошло здесь, на берегу Битаня?

«Четырнадцатое июня...»

— эхом отозвалось в голове Чу Вана. Стоило ему осознать смысл слов, как он замер, словно поражённый ударом молнии. Он уставился на Чэн Яня, не веря своим ушам, и голос его сорвался:

— Ты... ты был там?!

Чэн Янь криво усмехнулся:

— Вы с Мэн Чэньхуэем прогуливались за руки, а потом он прижал тебя к стволу дерева. Луна в ту ночь светила ярко, так что всё, чем вы занимались... было видно как на ладони.

Он сокрушённо покачал головой и вздохнул:

— Для тайных свиданий место вы выбрали паршивое. Берег пруда просматривается отовсюду — совершенно не годится для таких утех.

Чу Ван побледнел как полотно и отступил на пару шагов, не сводя с Чэн Яня остекленевшего взгляда. Он пытался угадать намерения собеседника, но тщетно: тот всё так же небрежно рассуждал о случившемся, будто увиденное им той ночью... не стоило и ломаного гроша.

— Что тебе нужно, чтобы ты молчал? — глухо спросил книжник.

Чэн Янь покачал головой:

— Красавчик, ты хоть понимаешь, что такие слова легко истолковать превратно?

Сяо Ван вновь вспыхнул от негодования:

— Замолчи!

Чэн Янь вскинул бровь:

— А что такого? Разве нельзя сказать, что ты хорош собой?

— Ты... ты бесстыдник!

С самого детства Чу Вану приходилось терпеть пересуды из-за своей внешности — он был мужчиной, но лицо его всегда привлекало лишнее внимание. Сам он не считал себя красивым и больше всего на свете желал бы обладать самой заурядной наружностью.

Видя, что юноша действительно задет за живое, Чэн Янь не решился злить его дальше. Он махнул рукой:

— Да пошутил я, успокойся. У меня лишь одно условие.

— Какое? — негромко спросил Чу Ван.

Чэн Янь лениво потянулся всем телом и зевнул:

— Я же тебе уже несколько раз говорил, наш великий талант: делай за меня уроки!

На мгновение книжник оцепенел. Лицо его приняло совершенно ошарашенное выражение.

— И... это всё? — выдавил он.

Чэн Янь усмехнулся:

— А ты на что надеялся? Что я ещё от тебя потребую?

Собеседник долго и пристально разглядывал его, после чего медленно кивнул:

— Я согласен.

Чэн Янь расплылся в улыбке:

— Вот и славно. Денег у меня куры не клюют, так что в обиде не останешься.

Чу Ван помедлил и спросил снова:

— Ты правда... никому об этом не расскажешь?

Чэн Янь ответил вопросом на вопрос:

— А какая мне выгода болтать? К тому же, кто мне поверит?

Репутация прежнего хозяина тела в академии была настолько дурной, что любые его сплетни сочли бы за гнусную клевету.

Услышав это, Чу Ван немного успокоился и добавил:

— Сегодня я занят. Начнём завтра — я буду выполнять твои задания.

Ему ещё нужно было успеть разнести письма до заката, иначе он не успеет заработать свои гроши. Чэн Яню было всё равно, он лишь кивнул:

— Пойдёт.

— Тогда я... пойду?

Чувствуя себя на крючке, Чу Ван ощущал небывалую неловкость. Если раньше он не стеснялся в выражениях в адрес Чэн Яня, то теперь не смел дерзить — боялся, что тот «случайно» выдаст его тайну.

— погоди! — окликнул его Чэн Янь и внезапно повернулся к нему спиной.

Юноша в замешательстве замер у кромки воды, не понимая, что за игру затеял этот повеса.

Вскоре Чэн Янь развернулся. Однако теперь его и без того небрежный ворот был распахнут ещё шире, выставляя напоказ почти всю грудь. Тело прежнего хозяина было измождено излишествами, но ради хвастовства он поглощал уйму согревающих снадобий, прописанных горе-врачами. Эффект был пугающим, но фигура со стороны казалась внушительной: при каждом движении под кожей перекатывались рельефные мышцы.

Чу Ван оторопел и поспешно опустил взгляд, стгорая от стыда и гнева:

— Что ты творишь?!

Краем глаза он заметил, как Чэн Янь приложил ладонь к груди, будто что-то там придерживая. Спустя пару мгновений тот с силой прижал руку к обнажённой коже и, словно ничего не произошло, снова запахнул халат.

— Всё, можешь проваливать, — бросил он.

Ничего не понимая, Чу Ван бросился прочь.

«Неужели он пытался меня соблазнить?!»

— мелькнула в его голове дикая мысль.

Чэн Янь, глядя на то, как тот в ужасе улепетывает, не разбирая дороги, не сдержал смеха. Но тут же осекся, осознав, что напугал юношу своим поведением. Когда силуэт почти скрылся из виду, Чэн Янь не удержался и крикнул вслед:

— Чу Ван! Постой!

Тот замер и обернулся, кипя от ярости:

— Да что тебе ещё надо?!

Чэн Янь покачал головой:

— Не доверяй Мэн Чэньхуэю слишком сильно. Он вовсе не тот благородный муж, каким ты его себе представляешь!

Разве благородный человек станет прижимать кого-то к дереву средь бела дня и целовать, едва успев признаться в чувствах?

Чэн Янь скрипнул зубами. Он искренне надеялся, что этот наивный книжник прозреет и задумается. Чу Ван ничего не ответил, но простоял на месте довольно долго, прежде чем окончательно уйти.

Только что Чэн Янь вынимал душу маленького цзюньвана. Обычный человек не видел этого сияющего сгустка, так что он не опасался разоблачения. Стоило сфере оказаться рядом с Чу Ваном, как она запульсировала с небывалой силой, словно пытаясь слиться с ним. Чэн Яню

пришлось поскорее вернуть её обратно в сердце.

Ответ был очевиден: Чу Ван из этого мира неразрывно связан с тем цзюньваном. Чэн Янь чувствовал, как осколок души в его груди жаждет воссоединиться с этим юношей. Они были одной природы — части единого целого, разбросанные по малым мирам.

Вот только почему в прошлой жизни судьба маленького цзюньвана пошла под откос из-за лживого мерзавца Дай Чигуаня, и в этой жизни Чу Вана ждёт та же участь из-за другого подонка?..

Неужели все, кто носит имя Чу Ван, совершенно не умеют выбирать людей!

В сюжете точкой невозврата стало именно то, что произошло вечером четырнадцатого июня. В ту ночь сокурсник Мэн Чэньхуэй признался Чу Вану в любви. Долгое время они были близкими друзьями, разделявшими общие интересы, но постепенно в их отношениях зародилась двусмысленная нежность. Поэтому, когда Мэн Чэньхуэй открыл своё сердце, Чу Ван, хоть и колебался, ответил согласием.

Однако Мэн Чэньхуэй был натурой завистливой. Он сблизился с Чу Ваном лишь из зависти к его таланту, искусно играя роль безупречного друга. Но чем дольше они общались, тем яснее он понимал, что никогда не сравняется с книжником в знаниях. Зависть росла, но вместе с ней крепло и влечение к красоте юноши.

Как только их отношения изменились, Мэн Чэньхуэй решил, что теперь Чу Ван будет во всём ему потакать. Но он ошибся. Перед ежемесячным экзаменом он попросил Чу Вана поддаться ему, чтобы самому занять первое место. Получив отказ, он пришёл в ярость и в ночь перед испытанием силой принудил Сюэ Вана к близости. На следующий день юноша слёг в лихорадке и провалил экзамен.

Чу Ван понимал, что среди книжников ценится гармония инь и ян. Его женственная внешность и влечение к мужчинам считались чем-то греховным, и всё, что происходило между ним и Мэн Чэньхуэем, казалось ему неправильным. Но он и представить не мог, что это лишь начало трагедии.

Добившись своего, Мэн Чэньхуэй перестал считаться с партнёром. Похоть и зависть породили в нём желание окончательно уничтожить юношу. Чу Ван, чья мать-вдова постоянно болела, и без того жил в нужде, а теперь, оказавшись в слабом положении, стал жертвой бесконечного шантажа. Снова и снова он шел на уступки, пока не оказался в бездне, откуда не было возврата.

Чэн Янь ещё раз пробежал глазами по сюжету, боясь упустить важную деталь. Вторая часть истории раньше казалась ему настолько мерзкой, что он не вчитывался в неё слишком внимательно. И вот теперь... Оказалось, что прежний хозяин этого тела был одним из тех, кто травил и преследовал Чу Вана?!

Чэн Янь вскочил. Это было невыносимо! Теперь у него были все доказательства того, что Бэньюань просто издевается над ним.

Семья Чу Вана была крайне бедна. Его родная деревня Чу находилась в полудне пути от уезда Битань. Книжник обычно жил в академии и редко возвращался домой даже в выходные.

Чэн Янь же был птицей иного полета. Поместье Чэн находилось в самом уезде Битань. Он не только возвращался домой на отдых, но и готов был улизнуть с занятий в любую минуту. Теперь, когда самое важное было сделано, он решил навестить отчий дом.

Обычно Чэн Янь редко питал чувства к своим подопечным, но Чу Ван был исключением. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что он обязан защитить юношу в этом мире, иначе произойдет нечто непоправимое.

Когда-то у него был подопечный, который не слушал советов и раз за разом попадал в ловушки. Только стоя на пороге смерти, тот взмолился о спасении. Чэн Янь же всё это время холодно наблюдал со стороны, не желая даже подсказать, как изменить судьбу. Тех, кто не считался с ним, он всегда со смехом бросал на произвол судьбы.

Но с Чу Ваном всё было иначе. Даже если в этом мире тот лишился памяти и не был тем человеком, с которым Чэн Янь прожил жизнь, он не мог равнодушно смотреть на его страдания.

Эх, репутация у прежнего владельца тела была паршивая. Похоже, ему придется терпеть холод и презрение Чу Вана, чтобы хоть как-то помочь ему.

На душе у Чэн Яня было мутно. Руки чесались — хотелось кого-нибудь поколотить, но достойного противника на примете не было. К тому же он изрядно проголодался. К моменту, когда он добрался до поместья Чэн, ноги его едва слушались.

— Чэн Янь! Щенок! Всё-таки соизволил явиться! Где ты шлялся до такого времени?! А ну, иди сюда, негодник!

Едва он переступил порог дома, как на него обрушился яростный крик. Подняв голову, Чэн Янь увидел плотного мужчину средних лет. Тот, размахивая внушительной дубиной, похожей на огромную скалку, стремительно направлялся к нему.

Чэн Янь прикинул шансы и понял, что прямое столкновение может закончиться его безвременной кончиной. Он мгновенно отпрянул и бросился к разодетой женщине, стоявшей неподалеку. Собрав последние силы, он нырнул ей за спину и завопил:

— Наложница Хуа! Отец хочет меня убить! Спаси меня!

Женщина стояла рядом, делая вид, что пытается вмешаться, но не двигалась с места. Память прежнего хозяина подсказала, кто это такая, и Чэн Янь немедленно использовал её как живой щит.

Наложница Хуа когда-то была лишь любовницей Чэн Цайцзюня. Спустя два года после смерти матери Чэн Яня отец возвысил её, сделав законной супругой. Будучи мачехой, она проявляла к Чэн Яню, старшему сыну от первой жены, небывалую заботу, граничащую с вседозволенностью. Никто не мог упрекнуть её в дурном обращении с пасынком — со стороны она казалась идеальной матерью.

При этом со своим родным сыном, Чэн Цзинем, она была предельно строга: никогда не давала денег на карманные расходы и за малейший проступок наказывала по всей строгости. Умные люди понимали, что её доброта к Чэн Яню — лишь способ погубить его, потакая всем порокам. Именно её потакательство превратило юношу в никчёмного гуляку.

Самое забавное, что прежний Чэн Янь, хоть и пользовался её добротой, презирал мачеху. Несмотря на её статус законной жены, он упорно называл её «наложницей Хуа», напоминая о её низком происхождении.

Чэн Янь по привычке назвал её так же, при этом прячась за её спиной. Можно только представить, какую ярость это вызвало в душе этой женщины. Но на людях она по-прежнему оставалась любящей матерью.

Как и ожидалось, мачеха неохотно заговорила:

— Господин, прошу вас, остыньте. Янь-эр только что вернулся, он ещё даже не обедал. Не стоит быть столь суровым.

Чэн Янь тут же подхватил:

— Вот именно! Я с самого утра маковой росинки во рту не видел! Я просто умираю от голода!

Взрослый мужчина, прячущийся за спиной женщины — это зрелище довело Чэн Цайцзюня до белого каления.

— А ну, выходи! Нечего за матерью прятаться! Не ел он! Конечно, ты ведь оставил кошелёк в борделе! У тебя хватило наглости пойти в весёлый квартал, так почему же ты сиганул в окно, едва завидев меня?!

Чэн Янь огрызнулся:

— А нечего было в такую рань врываться туда и хватать меня! Если вам не стыдно, то мне — ещё как! Что такого в походе в Зелёный терем? Мы с сокурсниками вчера собрались послушать

музыку, а вы устроили такой скандал! Я теперь в глаза им смотреть не могу от стыда!

Чэн Цайцзюнь, не отличавшийся образованностью, приложил огромные усилия, чтобы впихнуть сына в академию. Он уже не надеялся, что тот станет великим ученым, но верил, что общение с талантливой молодежью поможет сыну исправиться. Стоило ему услышать о сокурсниках, как он замер:

— Ты говоришь правду?

— Чистейшую! Вы выставили меня посмешищем. Мы договорились сегодня отправиться на прогулку в горы за академией, а мне пришлось позорно бежать домой!

Отец нахмурился:

— Но... в вашей академии одни книжники. С чего бы им ходить по значным местам? Не пытайся меня обмануть!

— Отец, разве это не нормально — обсудить дела за чаркой вина и музыкой? Вы сами, когда ведете дела, разве не в бордель идете? Книжники — тоже люди, они ничем не лучше!

Чэн Янь почувствовал, как женщина, стоявшая перед ним, задрожала от ярости.

Глава семьи сам был тем ещё старым греховодником. Несмотря на годы, он оставался частым гостем в квартале красных фонарей, каждый раз оправдываясь делами. Поучая сына, он совершенно не смотрел на себя. Что же касается наложницы Хуа, то она, будучи выкупленной из низкого сословия, не смела перечить мужу. Ей оставалось лишь терпеть, видя, как её стареющая красота увядает, пока муж развлекается с другими. Благо, в его возрасте он хотя бы не приводил в дом молоденьких девиц.

Гнев отца немного утих:

— Вот как? Что ж... это и впрямь имеет смысл...

— пробормотал он, явно поверив сыну.

Чэн Янь с облегчением вздохнул и поспешил добавить:

— Ладно, может, мы уже поедим? Ваш сын и вправду сейчас упадет от голода.

Лицо Чэн Цайцзюня немного смягчилось, но тут же снова помрачнело:

— Ладно, музыку он слушал! Но зачем было оставаться там на ночь?! Почему нельзя было вернуться домой?! Ты... ты что, забыл, что сказал лекарь в начале месяца?!

Чэн Янь действительно не помнил этого эпизода.

— А что он сказал? Я запомнил.

Чэн Цайцзюнь снова затрясся от ярости:

— Лекарь сказал, что у тебя упадок сил! Тебе строго запрещено растрачивать янскую энергию! Нужно принимать укрепляющие снадобья! Ты что, всё пропустил мимо ушей?!

Чэн Янь замер. Теперь понятно, почему в памяти прежнего хозяина этого не было — такое признание больно било по мужскому самолюбию.

Впрочем, сам он стыда не знал и лишь усмехнулся:

— Отец, да успокойтесь вы. Я же импотент, какую ещё энергию я могу растратить?!

Он-то думал, что прежний Чэн Янь был бабником, но, проверив пульс, понял: у этого парня ничего не работает. Видимо, чем сильнее была его беда, тем отчаяннее он пытался доказать окружающим обратное.

Старик вытаращил глаза:

— Чушь собачья! Лекарь сказал, что твоя мужская сила просто немного ослабла! Не смей так о себе говорить!

Чэн Янь лишь промолчал в ответ.

«Ох уж эти стареющие мужчины, живущие в мире иллюзий... Сплошная морока»

— подумал он.

<http://bllate.org/book/15870/1440370>